

судьбы Евразии : материалы конференции. СПб.: Европейский Дом, 2002. Т. 1. 271 с.

56. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.

С. А. Тихомиров

**«Нетипичный» человек из эпохи Отечественной войны
1812 года (опыт междисциплинарного прочтения
«новой биографической истории»)**

УДК 821.161.1, 82-342, 929

Сюжет для публикации продиктован историко-антропологическим контекстом современных исторических исследований. Пристальному междисциплинарному вниманию была подвергнута комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» и история её написания, поскольку художественная литература издавна считалась ценным историческим источником. Черная сведения в архивных документах, автор прослеживает судьбы исторических прототипов и литературных персонажей произведения, показывает их жизнь в истории и литературе. В исследовании сталкиваются биографические факты и реальная жизнь русской провинции, воплощённые писателем в произведении, так как истоком всему явилось время, в котором жило и творило поколение эпохи Отечественной войны 1812 года.

Ключевые слова: эпоха Отечественной войны 1812 года, военное поколение, комедия Н. В. Гоголя «Ревизор», история создания произведения, повседневная жизнь русской провинции, судьбы исторических персонажей и литературных прототипов.

Sergey A. Tikhomirov. «Atypical» people from the era of the War of 1812 (the experience of an interdisciplinary reading «new biographical history»)

The subject for the publication was dictated by historical and anthropological context of contemporary historical research. The interdisciplinary attention was drawn to the comedy of Nikolai Gogol «Revizor» and the story of its writing, because for a long time the fiction has been considered a valuable historical source. Find information in the archival documents, the author traces the lives of historical prototypes and literary characters, showing their lives in a real life and literature. The study faces biographical facts and real life of Russian province, writer embodied in the product, because the source of all was the time in which lived and worked war generation of 1812.

Keywords: *the war era of 1812, the war generation, the comedy of Nikolai Gogol «Revizor», the story creation of the work, the daily life of the Russian provinces, the lives of historical personages and literary prototypes.*

Публикуемое в настоящем издании исследование мне хотелось бы посвятить памяти двух людей, сыгравших существенную роль в том, что я ещё в студенческие и аспирантские годы обратился к творческой истории комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: это замечательный человек и педагог от Бога, школьный учитель из города Устюжны, что в Вологодской области, *Андрей Александрович Поздеев* (1886–1975), открывший многие архивные документы о создании этого произведения, и профессор *Пётр Андреевич Колесников* (1907–1996), мой основной и, пожалуй, главный наставник по жизни и научным изысканиям, к сожалению, не доживший до сегодняшнего дня – слишком много было ему тогда лет... Именно его рассказы по истории Русского Севера и привили мне любовь к этому региону – памятнику отечественной и мировой культуры.

Древние мудрецы говорили, что помимо главных предназначений человека в жизни (посадить дерево, построить дом и воспитать ребёнка) нужно встретить своего УЧИТЕЛЯ, который научил бы тебя ремеслу, помог выполнить шедевр (в Средневековье этот тер-

мин обозначал ученическую работу) и привил привязанность к профессии...

Сегодня стало вполне очевидным, что русская культура всегда носила ярко выраженный литературоцентричный характер.

К сожалению, читать ныне не модно...

Но литературные произведения всё чаще и чаще стали использоваться в качестве исторического источника, поскольку они зачастую носят ярко выраженный историко-антропологический характер [2; 16; 27; 61; 66; 67].

Согласно представлениям Умберто Эко, описанным в очерке «Шесть прогулок в литературных лесах», *«читать литературное произведение – значит принимать участие в игре, позволяющей нам придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, происходят или ещё произойдут в настоящем мире. Читая литературный текст, мы бежим от тревоги, одолеваящей нас, когда мы пытаемся сказать нечто истинное об окружающем мире...»* [65, с. 164].

И сегодня без междисциплинарных исследований, основанных на архивных находках, отличающихся продуманностью, доказательностью и научной щепетильностью, не обойтись... Как не вспомнишь здесь принципы *«конкретного литературоведения»*, сформулированные ещё академиком Д. С. Лихачевым: *«медленное чтение»*, *«углублённое понимание произведений в реальной обстановке»*, *«реальное понимание стиля»*, *«доказательность выводов»*.

Экстремальные периоды человеческой истории, к которым относятся мировые и локальные военные конфликты, революции, другие социальные потрясения, представляются противоречивыми общественными процессами, затрагивающими различные стороны повседневного бытия. Подобные исторические изменения характеризуются ускоренным протеканием социального времени, динамичностью психологических процессов, изменением общественных настроений и чувств. События начала XIX в., связанные в русской истории с наполеоновским нашествием, скорректировали привычную жизнь российского столичного и провинциального общества. *«Противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие»* (такое определение наполеоновскому нашествию в романе

«Война и мир» привёл писатель Л. Н. Толстой) заставило россиян рассуждать, задавать политические и общественные вопросы, благодаря нашествию наполеоновских войск произошёл подъём национального и этнического самосознания.

Каждому историческому периоду свойственны события, обостряющие человеческое восприятие. Если посмотреть на историю эпохи наполеоновского нашествия, то можно увидеть судьбоносные знаки, предваряющие событие. Они выражаются в предсказаниях, знамениях, видениях.

Ещё в самом начале Александровского царствования сосланный в Соловецкий монастырь монах Авель предсказал *«роковой, незабвенный год»* (Н. М. Карамзин), когда *«Ныне от Адама семь тысяч триста и двадцатый год, а от Бога Слова тысяча и восемьсот и второй на десять. И слыша мы в Соловецком монастыре, яко бы южный царь или западный, имя ему Наполеон, пленит грады и страны, и многия области, уже и в Москву вшёл. И грабит в ней и опустошает все церкви и вся гражданския, и всяк взывая: Господи помилуй и прости наше согрешение. Согрешихом пред Тобою, и несть достойны нарекатися рабами твоими; попустил на нас врага и губителя, за грех наш и за беззакония наша! и прочая таковая взываху весь народ и все людие...»* [18, с. 423].

Так было и накануне 1812 года, когда у русских людей отношение к новому времени было настороженное, если не сказать неприязненное.

Наступавший 1812 год выдавался високосным, а значит, по русскому поверью, напряжённым и тревожным.

Когда стало известно об этом, среди простонародья уже ходили фантастические слухи...

Поводом к рождению народных толков стало появление осенью 1811 г. на небосводе *«власатой»* кометы, обозначившейся *«задолго до нашествия на Москву неприятеля»*.

Московский старожил П. Г. Кичеев в своих записках отмечал: *«Эта комета была замечательна по блестящему хвосту, и её-то Наполеон называл своей счастливою звездой и путеводительницей в Россию»* [23, с. 157].

Священник Вельского Троицкого собора, что в бывшей Вологодской губернии, по поводу появления кометы писал: *«Сего же года августа на 18-е число в ночи в северной стране явилась комета, или блудящая звезда, от которой был хвост протягающий вверх с наклоном к западу струями, а в сентябре оказалась в лете, а оной хвост был тогда наклонен к востоку. Даже была видима ноября в последних числах, а обращение имела от запада на восток»* (цитируется по оригинальному документу, хранящемуся в Архангельской областной универсальной научной библиотеке им. Н. Г. Чернышевского, получившему название «Летописец города Вельска от основания до 1842 года». Инв. № РК-АОНБ. Л. 43).

Последовало вскоре объяснение произошедшему: кто-то говорил, что хвост кометы – это пучок розог, а кто-то, как Д. И. Заваляшин, сравнивал его с метлой, которая явилась, *«чтобы вымести всю неправду из России»* [19, с. 146].

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 73) 12 сентября 1811 г. опубликовала официальное сообщение Императорской Академии наук, составленное астрономом Ф. Ф. Шубертом (С. 1080–1081): *«...поелику по сие время величина и свет ея ежесдневно весьма приметно умножались, и в течение всего Сентября будут ещё умножаться, то и должно ожидать, что Комета сия будет одна из величайших, каковых уже более целого столетия видимо не было...»*.

Говорили, что французы, якобы оставив христианскую веру, изобрели себе Бога Умника (религия Разума) и рабски стали поклоняться ему. Говорили, что Франция вся предалась Антихристу, избрав себе в полководцы его сына *Аполона*, который по звёздам якобы угадывает будущее, знает, когда начать и закончить войну; жена этого чародея – колдунья, которая может заговаривать огнестрельное оружие, противопоставляемое мужу, и французы поэтому побеждают.

Грамотные простолюдины носились с «новой» трактовкой девятой главы Апокалипсиса, где якобы упоминается *«Аполион-антихрист»*.

Кроме того, в учёной среде нашёлся знаток, утверждавший, что в Откровении Иоанна Богослова упоминаются три шестёрки (666), в которых сокрыто имя Наполеона. Кстати пришлась дата первого

письменного упоминания об основании Москвы – 665 лет. В обществе решили: *«быть великой войне»* ...

И уже после завершения Отечественной войны 1812 года и вступления русской армии в Европу московский житель писал: *«Позднейшее потомство будет говорить о 1812 годе, как мы теперь говорим о всемирном потопе. Тогда окружённый водою ковчег спас Ноеву семью; здесь же объятая пламенем Москва спасёт наводнённую, так сказать, злодеяниями, безбожием и ужасными бедствиями Европу. Глаза Вселенной обращены были на Наполеона и на Россию: на него с ужасом – на нас с надеждою и упованием»* [60, с. V–VI].

Случались в русской истории события и иного порядка, повторявшиеся с завидной периодичностью, которые приобретали масштабы анекдота...

Самозванство на Руси – явление давнее, скорее культурная традиция. Исследователи в России пришли к выводу, что самозванцы, как правило, чаще всего по своему социальному происхождению были выходцами из непривилегированных слоёв населения, они присваивали себе вымышленные чужие звания, имена и фамилии. Иногда самозванцы выходили из других социальных групп и представляли собой авантюристов. Они в русской истории всегда появлялись в моменты обострения социальной жизни и ухудшения жизни в стране: во время войны, хозяйственных и политических кризисов, неурожая, голода, роста податей и налогов и так далее.

Появлялись самозванцы и авантюристы в России в эпоху наполеоновского нашествия...

«Среди смутных в 1812 году для России обстоятельств явился в город Георгиевск один молодой человек, под именем Соковнина, якобы лейб-гвардии конного полка поручик и адъютант министра полиции; он предъявил надлежащие документы, как бы от правительства ему данные на имя гражданского губернатора и в казённую палату. В тех бумагах он показывался нарочито посланным по Высочайшей Её Императорского Величества воле для набора войск из черкес и разных племён кавказского народа. Для обмундирования же сего войска и отправления куда следует, якобы поручено было сему Соковнину требовать деньги из казённой палаты...», –

так гласил документ, сохранившийся в Военно-учётном архиве Главного штаба (ныне – Российский государственный военно-исторический архив в Москве (См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 496. Ч. 4, 5. Переписка по делу Романа Медокса с августа 1812 г. по июль 1813 г. Опубликовано М. Г. Нерсисяном в книге «Отечественная война 1812 года и народы Кавказа». Ереван, 1965. – С. 304–308, 350–367, 370–387). Из этого архивного дела также известно, что мероприятия по сбору ополчения из горских народов и казаков осуществлял Роман Михайлович Медокс (1789–1859), который, будучи добровольцем Московского ополчения и находясь со своим воинским формированием под Тарутино, похитил у князя Н. А. Касаткина-Ростовского две тысячи рублей, а затем скрылся. Далее по подложным документам Роман Медокс проследовал через Тамбов, Воронеж, Ярославль на Кавказ. Везде, насколько об этом можно говорить по сохранившимся документам, он получал деньги из казённых палат. Прибыв в декабре 1812 г. в Георгиевск, при проведении акции по сбору ополчения, он заручился поддержкой вице-губернатора барона П. К. Врангеля и генерала С. А. Портнягина, не без их помощи получил в Кавказской казённой палате десять тысяч рублей, а при помощи султана Арслан-Гирея, султана Менгли-Гирея и других собрал кабардино-адыгейское ополчение (около четырёхсот всадников). Об успехе своего дела, в надежде на прощение, он соизволил сообщить в Петербург министру полиции А. Д. Балашову и министру финансов Д. А. Гурьеву. Позднее под авторством Романа Медокса в журнале «Русская старина» (1879. – Т. XXVI) вышла в свет его покаянная заметка «Моё предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году» [32а]. Публикатор этого документа К. П. Медокс сообщил читателю, что *«первоначально она была напечатана в весьма ограниченном количестве экземпляров, только для самых близких лиц, но не для публики»* и *«так как она имеет некоторое историческое значение, то я и счёл необходимым сообщить её на страницах уважаемого исторического издания...»* [43, с. 713].

После письма в Петербург самозванца 6 февраля 1813 г. арестовали в Георгиевске. При аресте он присвоил себе фамилию Всеволожский. Собранное им ополчение распустили. После этого его

под конвоем доставили в Петербург, допросили. На допросе Роман Медокс поименовался сыном выдуманного им камергера князя Голицына [46, с. 453]. По личному приказу императора Александра самозванца направили на пожизненный срок в Петропавловскую крепость «для воздержания от подобных поступков». Позднее его перевели в Шлиссельбургскую крепость.

В 1827 г. по приказу Николая I переведён на жительство под надзор полиции в Вятку. В декабре 1827 г. бежал, жил по подложному паспорту. Скитался по империи. Несколько раз был арестован, подвергался ссылке. В 1828 году был этапирован для службы рядовым в Омске. После побега летом 1828 г. написал два письма императору с просьбой о помиловании. В октябре 1829 г. прибыл в Иркутск, где состоял учителем дочери городничего. Здесь «раскрыл» заговор, о чём сделал ложный донос. После его раскрытия вновь бежал, вновь пойман, вновь допрошен, и заключён в крепость. Однако в 1856 г. освобождён по амнистии. Подробнее обстоятельства этого факта биографии Р. М. Медокса известны из публикаций С. Я. Штрайха [56а; 56б], А. А. Орлова [43; 44; 45].

Последние дни жизни провёл в Тульской губернии.

Среди незавершённых фрагментов прозаических произведений А. С. Пушкина, в его архиве сохранился отрывок, близкий во времени к истории посещения чиновником в партикулярном платье заштатного уездного городка:

«В начале 1812 года полк наш стоял в небольшом уездном городе, где мы проводили время очень весело. Помещики окрестных деревень обыкновенно приезжали туда на зиму, каждый день мы бывали вместе, по воскресениям танцевали у предводителя. Все мы, то есть двадцатилетние обер-офицеры, были влюблены, многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках; итак, не удивительно, что каждая безделица, относящаяся к тому времени, для меня памятна и любопытна.

Всего чаще посещали мы дом городничего. Он был взяточник, балагур и хлебосол, жена его – свежая веселая баба, большая охотница до виста, а дочь – стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на бланманже...» [57, с. 474].

А вот отрывок, который А. С. Пушкин вероятно предполагал воплотить в некоем произведении:

«Кристин приезжает в губернию на ярмонку – его принимают за Губернатор – честный дурак. – Губернаторша с ним кокетничает – Кристин сватается за дочь» [56, с. 431].

На самом деле сюжет о подобном путешественнике уже использовался в литературе. Например, в комедии Августа Коцебу «Маленький немецкий городок», а также в комедии украинского автора Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Визитёр из столицы, или Ту-мульд в уездном губернском центре».

Такую же комедию, озаглавленную «Ревизоры, или Великий лжец, прибывший издалека», написал Н. А. Полевой.

Но ни один из этих прототипов не смог так вдохновить Н. В. Гоголя, о чём подробно рассказали А. К. Воронский [11] и А. Труайя [63].

Он отверг все другие замыслы, кроме пушкинского...

Только его созидательная искра должна была вознести Н. В. Гоголя.

Отложив «Мёртвые души», он сразу же принялся за работу над «Ревизором» ... Об этом известно из исследований М. А. Александровой и Л. Ю. Большухина [1].

О замысле и работе писателя над произведениями «Мёртвые души», «Тарас Бульба» и «Ревизор» рассказали И. А. Виноградов [10] и В. М. Гуминский [14].

Принято считать, что сюжет комедии «Ревизор» Н. В. Гоголю подсказал А. С. Пушкин [3; 5; 12, с. 91; 16; 28; 32; 35; 40; 59; 64, с. 426, 435]. Об этом говорил как сам писатель, так и авторы некоторых мемуарных источников. Исследователи творческой истории создания «Ревизора» до сих пор приходят к мнению, что при нынешнем состоянии источников ответить на вопрос об исходной дате в истории замысла комедии с достоверной точностью не представляется возможным. Кроме того, споры о первоначальной идее А. С. Пушкина всё ещё не окончены. О спорности поставленного вопроса известно из работ С. А. Павлинова [47, с. 26; 39]. Существуют в литературе и разные точки зрения на вопрос, где случилась описанная Н. В. Гоголем история. Например, в дневнике О. М. Бо-

дьянского записано о вечере у С. Т. Аксакова, где Н. В. Гоголь заметил, что *«первую идею к “Ревизору” его подал ему Пушкин»*, Н. В. Гоголь рассказывал о П. П. Свиньине, выдававшем себя в Бессарабии за чиновника, о чём подробно известно из монографии В. Н. Бочкова [5]. Далее О. М. Бодянский цитировал Н. В. Гоголя: *«После слышал я, – прибавил он, – ещё несколько подобных проделок, например, о каком-то Волкове»* [41, с. 134]. Забегая вперед, отметим, что никто иной, как вологодский помещик Платон Григорьевич Волков и есть упоминаемый в дневнике ревизор. Об этом далее говорится в настоящей статье. Хрестоматийным представляется высказывание В. А. Соллогуба (он запечатлел в своих записках факт рассказа А. С. Пушкиным Н. В. Гоголю истории с ревизором) о подобном случае, бывшем в городе Устюжне Новгородской губернии, когда какой-то проезжавший господин выдавал себя за чиновника министерства и обобрал всех городских жителей [53, с. 516]. Далее автор сообщал, что подобная ситуация случилась и с самим А. С. Пушкиным: в 1833 году во время поездки за материалами для *«Истории Пугачева»* его приняли за тайного ревизора, *«имевшего будто бы предписание “обозревать секретно действия оренбургских чиновников”»*. Однако версия В. А. Соллогуба нуждается в проверке и поиске подтверждавших её источников. К слову сказать, к сообщению В. А. Соллогуба о приезде в Устюжну подозрительного путешественника в своё время отнеслись с полным доверием некоторые исследователи: Н. А. Котляревский [26, с. 308], А. И. Лященко [31, с. 524], П. О. Морозов [40, с. 111–112], В. В. Гиппиус [12, с. 91], С. С. Данилов [17, с. 87], Ф. Д. Батюшков [4]. Поискам документов, подтверждавших устюженский случай, более четверти века посвятил Андрей Александрович Поздеев, устюженский учитель с многолетним стажем.

Об этом человеке часто вспоминал при мне известный историк Русского Севера, профессор П. А. Колесников. Именно Андрей Александрович помог ему обжиться в Устюжне, когда Петр Андреевич переехал туда на постоянное место жительства. Он делился с новым своим знакомым бесценными знаниями по истории города, воодушевлял на первые изыскания в архивах страны Советов. И после переезда П. А. Колесникова в Вологду А. А. Поздеев переписывал

вался со своим другом и коллегой по педагогической деятельности. Вспоминается достаточно пухлая пачка писем устюженского учителя, адресованная Петру Андреевичу (ныне переписка П. А. Колесникова с А. А. Поздеевым хранится в Государственном архиве Вологодской области в личном фонде историка). Его корреспонденции были наполнены ответами на задаваемые вопросы убористым почерком на десятках страниц, их тексты являлись письмами-эссе, полными богатейшего содержания.

И так было со всеми его адресатами. Исследователь из Устюжны состоял в переписке со многими литературоведами, писателями, историками, не пропускал выхода в свет ни одной крупной книги по истории русской литературы. Прочитав книгу, он сразу откликнулся письмом к её автору. Начинал эти письма А. А. Поздеев доброжелательным отзывом, затем, извинившись за беспокойство и смелость, высказывал уточнения, относящиеся к прототипам литературных героев. И наконец, следовал довольно основательный экскурс в их родословную. Благодаря А. А. Поздееву во многих повторных изданиях авторами были сделаны дополнения и исправления. Устюженский учитель переписывался с А. И. Гессеном, А. С. Бушминым, И. Л. Андронниковым, Д. Д. Благим, В. И. Архиповым, С. И. Машинским и другими. Наиболее интересные отрывки из переписки с этими исследователями и писателями привела в публикации Л. А. Валдаева [7, с. 235–237] по подлинникам, хранящимся в Устюженском краеведческом музее (УКМ. Ф. 3. К. 100. Д. 1–4).

В процессе написания этих заметок автору вспомнились две характеристики, которые высказал в разное время о А. А. Поздееве П. А. Колесников. Современников учителя из Устюжны всегда интересовали и привлекали в жизни педагогическая и краеведческая деятельность. П. А. Колесников говорил, что в этом русском учителе жил *«учитель-ученый, педагог от Бога, представитель той части деятельностно-творческой и духовно-богатой русской интеллигенции, которая достойна подражания во все времена»*. Но в А. А. Поздееве жил и краевед, *«в том высоком значении слова, когда стирается грань между столично-академической наукой и ре-*

гионально-краеведческой, отличавшейся от первой лишь тем, что она развивалась на периферии великого государства» [24, с. 49].

Исследователь, получив университетское образование в своём отечестве и за рубежом, так и остался народным учителем с непогасшей до самой смерти любовью к своему тяжёлому и почётному труду. На одном из Всесоюзных съездов учителей устюженского учителя назвали воспитателем человеческих душ. Но областные инспектора считали его плохим педагогом. Постоянно осуждалась индивидуальная манера вести урок при помощи яркого рассказа, иногда сопровождаемого исполнением на фортепиано музыкальных произведений. Вызывали осуждение проверяющих и экскурсии учителя на уроках в историю прототипов литературных героев в произведениях школьной программы. Но как Андрей Александрович мог не рассказать своим юным слушателям о прототипах городничего и ревизора и о случае, который якобы произошёл между ними в их родном городе! Ведь именно он, устюженский учитель, потратил десятки лет, чтобы изучить творческую историю создания комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», разыскать письмо новгородского губернатора городничему И. А. Макшееву о долге, с неизвестными целями проживания в городе молодого человека «в партикулярном платье с мальтийским крестом», в котором губернатор заподозрил ревизора от вышестоящих властей. Именно он, учитель из Устюжны, передал от потомков городничего в Пушкинский Дом портрет И. А. Макшеева, который хранится ныне в отделе рукописей. Об этом говорится в «Описании рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома» [42, с. 78]. Все названные источники А. А. Поздеев передал в отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 652. Оп. 2. Д. 88, 89), о чём известно из обзора М. И. Маловой [33, с. 86–87].

Забегая немного вперёд, скажем, что Иван Александрович Макшеев – городничий Устюжны Железопольской во второй половине 1820-х гг.; капитан Кексгольмского полка, участник Отечественной войны и кампаний 1812–1815 годов. Принимал участие в осаде Данцига. После ранений уволен в отставку и в 1824 г. назначен устюженским городничим. Случай с ревизором произошёл через пять лет после его назначения. О биографии И. А. Макшеева

более подробно сообщается в публикации «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны», подготовленной для шестого выпуска «Сборника Новгородского общества любителей древности» (Новгород, 1912) [6].

В историографию изучения творческой истории комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» А. А. Поздеев вошёл как человек, разыскавший несколько документов, подтверждавших аналогичный случай, бывший в Устюжне. На основании этих источников устюженский учитель специально для сборника «Литературный архив» подготовил статью «Несколько документальных данных к истории сюжета “Ревизора”» [51].

В исследовании А. А. Поздеев делал попытку ответить на два вопроса: *«был ли такой случай в Устюжне и действительно ли знал о нём Гоголь со слов Пушкина?»* [52, с. 146].

И на первый из них отвечает вполне утвердительно.

Следует отметить, что А. А. Поздеев в данном случае выступил ещё и как источниковед. В его руках оказалось письмо-запрос новгородского губернатора А. У. Денфера к устюженскому городничему И. А. Макшееву.

Текст письма неоднократно воспроизводился в публикациях. Первоначальная его публикация имелась в сборнике «Литературный архив» [51]. Кроме того, цитирование текста и упоминание о нём приводится в публикациях С. А. Павлинова [47, с. 26] и В. В. Гуры [15, с. 156].

При описании источника учитель замечал даты написания и получения корреспонденции, причём уточняя о наличии помет инородной руки в написании даты получения письма. Исследователь подчеркивал, что *«за любезным тоном скрывалась и тревога администратора, и его недовольство недостаточно бдительным городничим»* [52, с. 147]. Он подверг сомнению возможность ношения мальтийского знака, поскольку оно каралось законом. Учитель предполагал, что факт сохранения городничим в своих домашних архивах именно этого письма имело какое-то исключительное значение. И значение это определялось комичностью ситуации, которую читатели прекрасно знают по гоголевскому произведению.

Новый всплеск интереса к истории с ревизором возник в конце XIX столетия.

В литературе вновь появились сведения о событиях в Устюжне.

Вероятно, ощущая пристальное внимание к своей персоне, А. И. Макшеев, сын городничего (А. А. Поздееву принадлежала заметка и нѐм) [53], составил черновик записки по поводу сюжета комедии, в которой отрицал причастность своего отца к известным обстоятельствам. По всей очевидности, заметки готовились к публикации, однако остались неизданными по причине смерти их автора. Исследователю А. А. Поздееву удалось отыскать этот черновик в бумагах А. И. Макшеева. Полностью обнаруженный документ назывался «Заметка, касающаяся “Ревизора” Гоголя». Исследователь привёл её полностью в своей статье [52, с. 149–150]. Проанализировав заметки А. И. Макшеева, устюженский учитель пришёл к выводу о их неубедительности. По мнению А. А. Поздеева, черновик заметок преследовал цель любыми средствами реабилитировать городничего.

Каковы доводы известного географа и путешественника в отрицании причастности своего отца к истории с ревизором?

Во-первых, по мнению А. И. Макшеева, Н. В. Гоголь не мог писать портреты чиновников, совершенно ему незнакомых. Он рисовал образы, создаваемые благодаря собственной фантазии и при помощи скопленного им запаса личных наблюдений.

Во-вторых, в тексте комедии автор допустил некоторые ошибки фактического характера. Например, уездными судьями являлись не Ляпкины-Тяпкины, а уважаемые дворяне, выбираемые на должность сословными органами власти; попечителей богоугодных заведений в Устюжне не было в силу отсутствия оных, учителя истории, как правило, ограничивали свою деятельность спрашиванием домашнего задания.

В-третьих, Н. В. Гоголь, по мнению А. И. Макшеева, *«не имел в виду изобразить точной и полной картины строя уездной жизни и ограничивал свою задачу облечением в комическую форму анекдота о ревизоре, рассказанного ему Пушкиным»* [52, с. 149–150].

Таким образом, на первый вопрос, поставленный учителем из Устюжны, о наличии описываемых В. А. Соллогубом событий можно ответить утвердительно.

Но оставался второй вопрос: *дошли ли рассказы о происшествиях в городе Устюжне до Гоголя в передаче Пушкина?*

Ответить на него А. А. Поздееву было несколько сложнее.

По мнению учителя, об устюженских событиях автор комедии, вероятно, когда-то слышал (в мемуарах В. А. Соллогуба запечатлён этот момент во времени). В текстах его сочинений присутствуют немногочисленные по сравнению с украинскими топонимами названия русских населенных пунктов. В «Мёртвых душах» и «Тяжбе» несколько раз упоминаются Весьегонск, что неподалеку от Устюжны, и Устюжский уезд. Вероятно, указанное совпадение в какой-то мере подтверждало версию исследователя. Однако упомянутый факт, согласитесь, ещё не является доказательством в ответе на поставленный вопрос. Здесь остаётся неясным, от кого дошёл автору комедии рассказ о событиях с авантюристом «в партикулярном платье с мальтийским крестом». Поскольку помимо записок упоминаемого В. А. Соллогуба других сведений о знакомстве А. С. Пушкина с устюженскими событиями, по-видимому, не существовало, и, зная об этом, А. А. Поздеев в своей публикации высказал суждение, что Н. В. Гоголь имел возможность услышать о подобных случаях и от других своих знакомых в Петербурге. Кроме того, по его мнению, нельзя определенно утверждать и о достоверности мысли о создании известного сочинения по мотивам устюженских событий, несмотря на прописанную в исследовании догадку о гоголевской осведомленности [52, с. 151].

Остановимся на хрестоматийности подобных обстоятельств в обыденной практике и действительности русской провинции XIX столетия. Конечно, читателю известны многочисленные случаи, о коих писал излюбленный автор в своём произведении. Именно он выступал против освещения конкретных ситуаций. Именно он выступал против узкого понимания своих персонажей. Помните, нельзя принимать *«за личность то, в чем нет и тени личности...?»* Писатель неоднократно отмечал независимость своих образов от непосредственных реальных прототипов, о чём говорил в своём ис-

следовании В. В. Гиппиус [13, с. 9]. *«Многочисленность вариантов рассказов о “мнимых ревизорах”, якобы переданных Гоголю Пушкиным, также подтверждает обобщающую типичность не только отдельных образов комедии Гоголя, но и всего её сюжета»*, – писал А. А. Поздеев [52, с. 152]. Современники и потомки-читатели сочинений Н. В. Гоголя долгое время обсуждали проблему правдоподобности искусно описанной им ситуации. Возможно, в какой-то степени этот вопрос разрешили так называемые «скептики», не веровавшие в вероятность подобных обстоятельств. Соприкоснувшись с реальной действительностью, они перестали сомневаться в невозможности совершения таких историй *«не только в провинциальных захолустьях, но близ центра и даже в самом центре нашей отечественной цивилизации»*. Об этом писал А. П. Милюков [39, с. 343–344].

Казалось бы, в историографии с творческой историей комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» наметился какой-то определенный результат. Но исследователей постоянно волновал вопрос о существовании ответного письма городничего И. А. Макшеева новгородскому губернатору А. У. Денферу. Имелось ли оно вообще, где оно хранилось? Вспоминается, что П. А. Колесников рассказывал в связи с этим обстоятельством о вологодском краеведе В. К. Панове, который и отыскал то самое письмо в отечественных архивах. О нём известно из краеведческого словаря «Вологда» [25, с. 223] и статьи его внука, ныне известного вологодского краеведа Л. С. Панова [50].

Сохранившийся источник стал основой для написания В. К. Пановым статьи «Ещё о прототипе Хлестакова» [50]. Основываясь на документе, краевед сообщил читателям о приезде в Устюжну 10 мая 1829 г. вологодского помещика в чине отставного подпоручика Пл. Г. Волкова, который был *«в партикулярном платье, имел мальтийский знак»*. Он неоднократно навещал городничего, смотрел острог, лазарет, аптеку, посетил духовное училище, собор, где осматривал ризницу. При этом *«самым вежливым образом»* обходился со всеми, с кем общался. Из письма городничего явствовало, что автор документа не хотел относить *«партикулярного человека»* к числу *«подозрительных людей»*. Городничий, как

свидетельствовал источник, что-то скрывал. Вероятно, он умалчивал о случившемся факте принятия Платона Волкова за ревизора. Возможно, устюженские чиновники действительно приняли его за проверяющего начальника. Основания сказать об этом, исходя из документа, отсутствуют. Однако народная молва в Устюжне ещё и в 1930-х гг. хранила воспоминания о комическом происшествии, говоря о нём как об историческом анекдоте. Известному историку Русского Севера П. А. Колесникову об этом приходилось неоднократно слышать.

Вспомните, как О. М. Бодянский в своём дневнике передавал монолог Н. В. Гоголя о реальных случаях с *«проезжими господами»*. Он обмолвился о *«каком-то Волкове»* [41, с. 134]. Вероятно, это и есть тот самый вологодский помещик. Конечно, упоминание вскользь ещё не означает совпадение этих двух личностей, однако есть все основания предполагать правильность высказанного суждения.

Знакомство с биографией Платона Волкова [8, с. 466] указывало, что он происходил из вологодских дворян, получил приличное по тем временам образование, его имя звучало среди светских писателей. Он был вхож во все литературные салоны и кружки. Вологодский помещик упражнялся в стихосложении, имел несколько столичных периодических изданий (в них печатались сочинения Е. Ф. Розена, П. Г. Сянова, Д. Ю. Струйского, А. Г. Ротчева, В. И. Романовича, Э. Гофмана, А. Мицкевича, В. Гюго, Ф. Гизо и других). Просматривая страницы *«Журнала иностранной словесности и изящных художеств»*, увидим, что Платон Волков писал рецензии и обзрения зарубежной литературы. Обозревателю приходилось вмешиваться в литературную современность, где он отличался очевидной полемичностью. Исследователи отмечали несомненные поэтические подражания Платона Волкова корифею русской литературы А. С. Пушкину.

Современники поэта отзывались о нём как о человеке вызывающего поведения, склонного к аферам и азартным играм. Подтверждением тому выступают история его женитьбы на княжне Белинской, подлог документов в отношениях с крепостными крестьянами и судьба его наследства, полученного после смерти родите-

лей, о чём сообщал В. В. Гура [15, с. 154], а также имеются архивные документы (РГВИА. Ф. 395. Оп. 91. Д. 453. Л. 3). Последней точкой в его похождениях стали события в Устюжне. Оказавшись через некоторое время в Петербурге, он широко поведал всему столичному обществу о своих приключениях. Может быть оттуда пошли «по всей Руси великой» слухи о чиновнике «*в партикулярном платье и с мальтийским крестом*»? Следует отметить, что, кроме того, подтверждение истории с Платоном Волковым нашлось в материалах следственного дела «*по негласному наблюдению*» виновника в Вологде. Основываясь на слухах, полученных от вологодских блюстителей порядка, начальник Первого корпуса жандармов, зная, какой «*дерзкий человек... господин Волков*», сообщал А. Х. Бенкендорфу о похождениях своего «*подопечного*» в Устюжне в качестве служащего Третьего отделения. Он бывал у чиновников, «*обещал всем свою протекцию и, как говорят, оставлял адреса в канцелярию Вашего Высокопревосходительства, но неизвестно, на чье имя*» (Об этом см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 236. Л. 28. Копию этих материалов см.: ОПИ ВГИАХМЗ. Ф. Панов В. К. Оп. 1. Д. НВ 15217). Совокупность информации, почерпнутой исследователями из архивных материалов, убеждает в некоторой подлинности свершившихся обстоятельств между устюженским городничим и вологодским помещиком.

Однако после детального рассмотрения всех источников и доводов к ним возникает вопрос: *какое место все-таки занимала реальная устюженская история в замыслах и процессе написания Н. В. Гоголем незабвенного произведения?* Вероятно, для ответа исследователям потребуется еще некоторое время...

Остаток своей жизни Платон Григорьевич Волков провёл в Вологде. С середины 1840-х гг. он служил в Вологодской губернии заседателем Грязовецкого уездного суда и переводчиком в губернском правлении, о чём имеются архивные документы (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1845 г. Д. 411. Л. 134–136; ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 59. Л. 977; Ф. 178. Оп. 4. Д. 57. Л. 15).

Совсем недавно мной на Лазаревском кладбище Вологды обнаружена могила Платона Григорьевича Волкова, где указаны точные даты его жизни: родился 9 января 1801 г., скончался 4 марта

1850 г. Рядом с Платоном Григорьевичем покоится прах его родителей: отца – Волкова Григория Платоновича (родился 30 сентября 1772 г., скончался 5 июля 1849 г.) и матери – Волковой, урождённой Бахметьевой, Варвары Александровны (17 июня 1778 г. – 30 марта 1839 г.).

И последнее. Нельзя обойти вниманием дополнительные биографические сведения о А. И. Макшееве, которые в канун 190-летия Бородинского сражения опубликовал историк Г. В. Ляпичев [30]. После появления на страницах газеты «Известия» статьи «Городничий из “Ревизора”» в реальной жизни был героем Бородинского сражения» [70; 71] исследователь обратился к известным ему опубликованным источникам по истории Кексгольмского полка [38], поскольку в корреспонденции из Вологды сообщалось об участии офицера (капитана) этого воинского формирования И. А. Макшеева в Отечественной войне 1812 года и награждении его шпагой «За храбрость» в сражении при Бородине.

Обратившись к полковой истории, историк в списке офицеров Кексгольмского полка под № 415 обнаружил Семёна Николаевича Макшеева, поступившего на службу в полк прапорщиком 16 августа 1801 г. из кадет 2-го кадетского корпуса. Далее об этой личности говорилось: «*Будучи капитаном, 11 января 1810 года уволен от службы за ранами с мундиром*». При описании боевых действий военным историком – автором полковой истории указывалось, что штабс-капитан С. Н. Макшеев был награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость» за сражения 1807 года при Гейльсберге и Фринланде. Однако в списке раненых указанного офицера не оказалось. Историкам XIX в., так же как и нынешнему поколению исследователей, были свойственны неточности и ошибки...

Исправить допущенное несоответствие возможно сегодня благодаря сохранившимся источникам Государственного военно-исторического архива в Москве. Обратившись к послужным (формулярным) спискам офицеров Кексгольмского полка конца XVIII – начала XIX в., мы обнаружили, что искомого капитана С. Н. Макшеева в документах на 1 января 1803 г. не числилось. Но источники сообщали о прапорщике Иване Александровиче Макшееве, выходеце из дворян, майорском сыне, за отцом которого состояло пятьде-

сят восемь душ мужского пола (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1428. Л. 181 об. – 182).

Согласно послужного (формулярного) списка о службе И. А. Макшеева известно, что в 1802 г. ему исполнилось девятнадцать лет. Сын городничего И. А. Макшеева писал: *«Отец мой, Иван Александрович, родился 1784 года марта 22... Скончался 1858 года, мая, 26»* [34, с. 152–153].

Сведения об отце И. А. Макшеева почерпнём из «Посмертных записок» генерала от инфантерии А. А. Одинцова, племянника Александра Ивановича Макшеева: *«Каждую зиму семья наша отправлялась гостить к отцу моей матери, <...> вёрст за двести, в Устюжский уезд, сельцо Гряду <...> Дед мой, А. И. Макшеев, имел более ста душ крестьян, следовательно, мог жить пошире, нежели Одинцовы, считавшиеся мелкопоместными; чтобы дать понятие о тогдашнем гостеприимстве, достаточно сказать, что у Макшеева собиралось на семейные праздники по пятидесяти особ разного пола и возраста, с челядью и лошадьми, и оставались гостить на несколько дней»* [55, с. 297].

В семье Макшеевых кроме Ивана Александровича воспитывался ещё брат Александр Александрович (1777–1847), будущий штабс-капитан артиллерии, и сестра Федосья Александровна (1780–1862), вышедшая в 1799 г. замуж за капитан-лейтенанта флота А. И. Одинцова.

Сохранились сведения об образовании И. А. Макшеева. Во 2-й кадетский корпус он поступил кадетом 19 декабря 1795 г. и выпущен из него в Кексгольмский полк 16 августа 1801 г. В послужном (формулярном) списке о его учебных успехах записано: *«российской грамоте читать и писать, арифметике, геометрии, языкам немецкому и французскому, рисовать, танцевать обучался»*. В книге «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса» в списке выпускников И. А. Макшеев упоминается последним (№ 42) [22]. Почему? Вероятно, потому, что особым прилежанием в учении он не отличался, поскольку по сложившейся традиции оформления документов в графе об образовании писалось: *«такие-то науки знает»*, а в случае с И. А. Макшеевым записано: *«обучался»*.

Последующая судьба И. А. Макшеева отражается также в послужном (формулярном) списке: прапорщик Кексгольмского полка (назначен 16 августа 1801 г.), в 1805 г. участвовал в десантной высадке на остров Рюген и совершил марш обратно из Шведской Померании в Россию; штабс-капитан (назначен 26 октября 1806 г.), в войне с французами 1807 г. участвовал в сражениях при Гутштате, Гейльсберге и Фридланде, награждён золотой шпагой «За храбрость» в 1807 г. и контужен картечью в правый бок, во время войны в Финляндии 1808–1809 гг. участвовал в Аландской экспедиции, произведён в капитаны 26 января 1809 г., по Высочайшему повелению от 11 января 1810 г. по прошению уволен от службы за полученными ранами с мундиром. О служебных перемещениях И. А. Макшеева и его награждении и отставке сообщалось в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» (1806. – № 90. – С. 1006; 1810. – № 5) и «Московские ведомости» (1808. – № 36. – С. 949), а также в статье историка Г. В. Ляпишева [29].

В июне 1811 г. помещик сельца Гряда Устюженского уезда И. А. Макшеев *«повенчан с дворянской дочерью Кободиского прихода, Боровичского уезда, села Бередина Верою Васильевной Еремеевою, оба первым браком»*, о чём имеются архивные сообщения (РГВИА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1). Невеста будущего устюженского городничего приходилась двоюродной племянницей знаменитому А. А. Аракчееву, племянницей Петру Константиновичу Еремееву – опекуну В. В. Еремеевой. Их родство определялось по материнской линии, поскольку матери А. А. Аракчеева и П. К. Еремеева приходились были родными сёстрами (урождённые Ветлицкие). Поэтому родственники В. В. Еремеевой сочли необходимым сообщить ему сначала о помолвке, а затем и о свадьбе. Всесильный родственник не только благословил свою племянницу на брак, но и высказал слова поздравления и благоволения к супружеской чете Макшеевых, а в качестве подарка прислал невесте шёлковой материи на два платья.

В начале 1812 г., как сообщает историк Г. В. Ляпишев, у И. А. Макшеева возникло желание стать городничим Устюжны Железопольской. Он обратился с просьбой к своему родственнику П. К. Еремееву о протекции и содействии в этом вопросе перед

А. А. Аракчеевым. Как известно, царский сановник стал хлопотать, и в письме от 31 марта 1812 г. П. К. Еремееву сообщал: *«По личной вашей просьбе я утруждал Его Императорское Высочество принца об определении городничим родственника нашего Г[осподина] Мокшеева и получил обещание, что при открытии вакансии будет им помещён, но между тем теперь он внесён в список кандидатом и состоит шестым человеком в числе тех, кои подали просьбы об определении в городничии по Новгородской, Тверской и Ярославской губерниям»*. Об этом известно из архивных документов (РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 340. Л. 58).

В 1812 г. И. А. Макшеев поступил в Новгородское ополчение (зачислен 4 сентября 1812 г.). От Новгорода с боями проследовал через Витебск, Березину, Юрбург, Кенигсберг, куда прибыл в январе 1812 г.

В письме от 29 марта 1813 г. П. К. Еремеев о судьбе И. А. Макшеева сообщал А. А. Аракчееву: *«От племянника Ивана Александровича насилу получили из Кенизберха письмо. Бедняжка всю зиму болен, а жена и тёща не осушают глаз – даже скуку на меня навели, нельзя ли, батюшко, как-нибудь его оттудова освободить, а ежели не можно, то сделайте милость, возьмите его к себе, я Вам за него ручаюсь, он Вам пондравится. Да отошлите, батюшко, к нему письмо, от нас ни одно не доходит, потому что не знаем куда писать»*. Об этом имеется архивный документ (РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 184).

В 1813 г. И. А. Макшеев в составе Новгородского ополчения участвовал в осаде Данцига.

Об этом писал А. А. Аракчееву в письме от 16 сентября 1813 г. (РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 102. Л. 531):

«Почтенное письмо Ваше сего 1-го числа я имел честь получить, при коем находилось и от дядюшки Петра Константиновича. Вы много ко мне милостивы, удостаивая писать ко мне и мне покровительствовать, чувства моей к Вам благодарности на века сохраняются в душе моей. Вы изволите писать, что я не отвечаю на Ваши письма. Боже меня сохрани, это для меня священная обязанность, на первое Ваше письмо из Калиша от 21-го марта я отвечал мая, 1-го числа, а на второе из Саксонии от 29-го апреля от-

ветствовал мая 17-го, где также мною послан список о Ваших крестьянах, поступивших в ополчение, о коих и теперь вторично имею честь Вам препроводить. Во втором письме Вашем по чувству Вашему ко мне благотворения вошли Вы в моё положение и желали освободить меня из ополчения, я должен признаться как благодарному отцу моему, что по обстоятельствам моим я имею великое желание быть переведённым из ополчения в службу Вашего Сиятельства или возвратиться в дом свой. Я теперь женат и имею обязанность пеицись об устройстве семейственного моего положения. Употребите на сии два предмета Ваши старания. Я навсегда в полной мере буду чувствовать таковое Ваше благодеяние, при сём посылаю письма к родным моим. А так как дядюшка Пётр Константинович извещает меня, буде мне нужны деньги, то бы я отнёсся к Вашему Сиятельству. Служив в ополчении целой год, и, не получая жалования, я имею крайнюю нужду в деньгах для уплаты небольших долгов моих, почему и осмеливаюсь Вас просить прислать мне двести рублёв».

После этого письма последовало письменное обращение А. А. Аракчеева к Главнокомандующему войсками при осаде Данцига генерал-лейтенанту Ф. Ф. Левизу с просьбой освободить И. А. Макшеева из ополчения. Он послал своему родственнику триста рублей ассигнациями. После этого И. А. Макшеева откомандировали в Новгород, выдали дозволение вернуться домой.

Тыловая жизнь И. А. Макшеева началась 16 декабря 1813 г.

В 1818–1821 гг. И. А. Макшеев служил по выборам заседателем Устюженского уездного суда.

С 3 марта 1824 г. заступил на должность городничего Устюжны Железопольской.

Далее следовала мирная, спокойная жизнь. И случай с ревизором...

Вероятно, случай с человеком «в партикулярном платье с мальтийским крестом» на служебной карьере И. А. Макшеева не отразился.

Он прослужил устюженским городничим ещё непродолжительный период.

В начале 1835 г. он обратился к начальству с прошением об отставке *«по домашним обстоятельствам, а более по разстроенному здоровью»*.

Представляя ходатайство об отставке И. А. Макшеева, новгородский губернатор министру внутренних дел писал, что *«по запущенным в Устюжском городском правлении делам нужен сюда городничий деятельный и опытный»*. Подробнее об этом сообщалось в архивных документах (РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 183).

Отставка последовала 5 марта 1835 г.

Скончался Иван Александрович Макшеев, как и его супруга Вера Васильевна, в 1858 г.

Похоронены они близ имения Гряды в селе Ильинском неподалёку от Устюжны Железопольской [34, с. 99–67].

1. Александрова М. А., Большухин Л. Ю. «...Вскоре после досто­славного изгнания французов»: эмблема исторического рубежа в поэме Гоголя «Мёртвые души» // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года : сб. науч. ст. СПб.; Тверь: изд-во Марины Батасовой, 2012. С. 247–260.

2. Аристов Н. Я. Сочинения Н. В. Гоголя со стороны исторической науки. Две статьи: I. Историческое значение сочинений Гоголя. СПб.: Изд. кн. маг. Н. Г. Мартынова, 1887.

3. Благой Д. Д. Гоголь – наследник Пушкина // Николай Васильевич Гоголь: сб. ст. / под ред. А. Н. Соколова. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1954. С. 5–38.

4. Батюшков Ф. Д. Знал ли Гоголь Россию? // Речь. 1913. № 301.

5. Бочков В. Н. «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 48–106.

6. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. VI. Новгород: Губернская типография, 1912.

7. Валдаева Л. А. Пусть не иссякнет память: Воспоминания об учителе А. А. Поздееве // Устюжна: Ист.-лит. альм. Вып. 1. Вологда: Изд-во ВГПИ «Русь», 1992. С. 230–240.

8. Вацу­ро В. Э. Волков Платон Григорьевич // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Наука, 1989. С. 466–468.

9. Войтоловская Э. Л. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1971.
10. Виноградов И. А. 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература : сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 91–140.
11. Воронский А. К. Гоголь. М: Молодая гвардия, 2011 (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 24).
12. Гиппиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Учен. зап. Пермск. гос. ун-та. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 61–126.
13. Гиппиус В. В. Заметки о Гоголе // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филолог. наук. Вып. 2. Л., 1941. С. 3–21.
14. Гуминский В. М. К проблеме мифологизации истории: (Гоголь и некоторые факты и умонастроения в эпоху 1812 года) // 1812 год и мировая литература : сб. ст. М.: ИМЛИ, 2013. С. 141–194.
15. Гура В. В. Времён соединенье: Очерки, портреты, этюды, обзоры. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.
16. Гус М. С. Гоголь и николаевская Россия. М.: Гослитиздат, 1957.
17. Данилов С. С. Гоголь и театр. Л.: Худ. лит., 1936.
18. Житие и страдание отца и монаха Авеля: Зачало шестое // Русская старина. 1875. № 2. С. 415–427.
19. Завалишин Д. И. Тысяча восемьсот двенадцатый год // Древняя и новая Россия. 1879. № 2. С. 146–154.
20. Золотусский И. П. Гоголь. М.: Мол. гвардия, 2005 (Жизнь замечательных людей).
21. Иггерс Г. Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 2001. С. 140–154.
22. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1862.
23. Кичеев П. Г. Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 году // Русский вестник. 1856. Т. 5. № 8. С. 156–178.
24. Колесников П. А. Размышления о пережитом. Вологда: изд-во Вологод. ин-та повыш. квалифик. и переподгот. пед. кадров, 1994 (Педагогические раздумья).
25. Коновалов Ф. Я., Панов Л. С., Уваров Н. В. Вологда, XII – начало XX века: Краевед. словарь. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993.

26. Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь: 1829–1842: Очерк из истории русской повести и драмы. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911.

27. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 2008.

28. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь : кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988.

29. Ляпишев Г. В. Граф Аракчеев, Норовы и другие... // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи: матер. : VI Всерос. науч. конф. М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 2003. С. 67–78.

30. Ляпишев Г. В. Был ли гоголевский городничий участником Бородинского сражения? // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы : матер. межд... науч. конф. М.: Калита, 2003. С. 349–354.

31. Лященко А. И. «Ревизор» Гоголя и комедия Квитки «Приезжий из столицы» // Памяти Л. Н. Майкова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. С. 520–538.

32. Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л.: Советский писатель, 1985.

33. Малова М. И. Обзор новых материалов, поступивших в рукописный отдел Института русской литературы // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. III. М.; Л.: Наука, 1952. С. 86–87.

34. Макшеев А. И. Исторические сведения о роде Макшеевых и их поместьях // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. Новгород, 1916. С. 150–208.

35. Манн Ю. В. Комедия Гоголя «Ревизор». М.: Худ. лит., 1966.

36. Манн Ю. В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем, 1994.

37. [Медокс Р.] М. Моё предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году // Русская старина. 1879. Т. XXVI. С. 709–713.

38. Мередиш В. Ф. 165 лет Кексгольмского гренадерского Императора Австрийского полка, 1710–1875. Варшава: Управление Варшавского жандармского округа, 1876.

39. Милюков А. П. Современные самозванцы // Милюков А. П. Рассказы и путевые воспоминания. СПб., 1873. С. 343–344.

40. Морозов П. О. Из заметок о Пушкине // Пушкин и его современники : материалы и исследования. Вып. XII. СПб., 1916. С. 111–112.

41. Олег Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1852 годов // Русская старина. 1889. Т. 64. С. 404–626.
42. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М; Л.: Наука, 1951. Т. 1.
43. Орлов А. А. Лжеголицын (авантюра Р. М. Медокса в 1812 году) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы VIII Голицынских чтений. Ч. 1. Большие Вязёмы: Гос. ист.-литер. музей-заповед. А. С. Пушкина, 2001. С. 153–166.
44. Орлов А. А. Кавказская авантюра Р. М. Медокса как проявление феномена самозванчества в России // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 1. М.: ГИМ, 2002. С. 192–200.
45. Орлов А. А. «Спаситель Отечества» Роман Медокс – узник двух императоров // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 145–148.
46. Орлов А. А. Медокс Роман Михайлович // Отечественная война 1812 года : энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2004.
47. Павлинов С. А. Мальтийский знак «Ревизора», или Иоан Масон в Устюжском уезде // Традиции в контексте русской культуры : сб. ст. и матер. Череповец: Изд-во ЧГПИ, 1995. С. 24–28.
48. Павлинов С. А. Тайнопись Гоголя: «Ревизор». М.: С. А. Павлинов, 1996.
49. Панов В. К. Ещё о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 120–130.
50. Панов Л. С. Вологодский краевед В. К. Панов // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен : сб. ст. Вологда: Книжное наследие, 2002. С. 411–417.
51. Поздеев А. А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Литературный архив / под ред. М. Л. Алексева. М; Л.: Наука, 1953. Т. 4. С. 31–37.
52. Поздеев А. А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Устюжна: Ист.-лит. альм. Вып. 1. Вологда: Изд-во ВГПИ «Русь», 1992. С. 138–152.
53. Поздеев А. А. А. И. Макшеев, русский географ, исследователь Средней Азии (1822–1892) // Устюжна: Ист.-лит. альм. Вып. 2. Вологда: изд-во ВГПИ «Русь», 1993. С. 239–249.
54. Покусаев Е. И. Гоголь об «истинно общественной» комедии // Русская литература: Ист.-лит. журн. 1959. № 2. С. 32–44.
55. Посмертные записки Алексея Алексеевича Одинцова, генерала от инфантерии, (1803–1886) // Русская Старина. 1889. № 11. С. 580–683.

56. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 8. Кн. 1: Романы и повести. Путешествия. М.; Л.: Наука, 1948.
57. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Наука, 1960. Т. 5.
58. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1978. . Т. VI.
59. Разговоры Пушкина / собр. С. Гессен и Л. Модзалевский. М.: Гослитиздат, 1929. С. 229–230.
60. Русские и Наполеон Бонапарте, или Рассмотрение нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнание его из древней Российской столицы... Писано Московским жителем 1813 года. М.: Тип. О. Селивановского, 1814.
61. Секиринский С. С. Об историках, художниках и нашем журнале // Историк и художник. 2004. № 1. С. 5–10.
62. Соллогуб В. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1931.
63. Труайя А. Николай Гоголь. СПб.: Амфора, 2015 (Великие россияне).
64. Тихомиров С. А. Избранные записки о вологодской пушкиниане // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия : сб. ст. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 399–452.
65. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. М.: Симпозиум, 2002.
66. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.
67. Шмидт С. О. Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С. О. Путь историка: Избр. труды по источниковедению и историографии. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 85–96.
68. Штрайх С. Я. Роман Медокс: Похождения русского авантюриста XIX века. М.: Гослитиздат, 1929.
69. Штрайх С. Я. Русский Казанова: (Роман Медокс среди декабристов). М.: Журнально-газетное объединение, 1932.
70. Филиппов В. Хлестаков был поэтом и заседателем уездного суда // Известия. 1996. 25 декабря. С. 6.
71. Филиппов В. Городничий из «Ревизора» в реальной жизни был героем Бородинского сражения // Известия. 1998. 1 апреля. С. 8.